

Ано... сыгравшая: кокеток, модисток, простушек, сумасбродок, эмансипе, повелительниц, но именно в образе последних — роковых, самолюбивых красавиц — представляемая и равнодушными, и поклоняющимися как божеству...

— На самом деле мой жанр, моя любимая стихия — трагикомедия. Я обожаю контрасты и их сочетание, боготворю эксцентрику и мечтаю о классике. А «роковостями» своего образа я обязана кино, хотя ею-то мне и не дали как следует насладиться. Однажды какой-то важный худсоветзаседатель сказал: «Никогда не показывайте мне эту артистку — у нее лицо женщины несоветской», — и меня лет десять не пускали на телевидение. Советскому искусству нужны были не мужчины и женщины, а граждане и гражданки: этикие аморфные существа с внешностью человека из толпы.

И вот печальная действительность: одно за другим растут бесполое поколение. Я недавно даже мужу своему сказала: «Боже мой, что происходит, не с кем завести роман». Он, правда, чуть не подпрыгнул (дело в машине происходило): «Люба, ты думай, что говоришь, я же за рулем...»

— Да здравствует вечный лозунг наших женщин, он же вопль и аргумент всего: настоящих мужиков нет?

— Что вы, это было бы бесчеловечно. Конечно, у нас есть еще замечательные мужчины, с одним из них живу, но что касается моих «ровесников», многие достойные и удивительные уехали отсюда, иные — как это ни страшно —

Любовь ПОЛИЩУК:

«Не терплю подкаблучников!»

спились. А молодые-современные чаще всего — или франты, абсолютно стеклянным взглядом смотрящие сквозь тебя, или люди-компьютеры, начисто позабывшие про все, кроме денег, или вовсе бандюги, для которых женщина — аппарат для «случки», не говоря уже о гомосексуалистах и импотентах. Возможно, я, что называется, сгущаю краски, но мне так жаль мужчин, не способных любить, терять голову, увлекаться... Впрочем, я с годами обнаружила, что, оказывается, и многие женщины не имеют понятия о том самом потрясающем чувстве, которым наделила нас природа.

— А когда лично вы, Любовь Григорьевна, узнали о его существовании?

— С тех пор как себя помню, так и узнала. Я вообще очень влюбчивая, при этом каждое чувство — сумасшествие, с жаром, пылом, самопожертвованием, доходящее до полубоморочного состояния. Особенно я страдала от него в детстве, поскольку была жутко уродливой девочкой: косоглазая, с кривыми ногами, худощавая, вроде тех синих цыплят, которых у нас продают. И оттого все мои надежды рушились. Спасибо родителям, которые, видя мою закомплексованность и необщительность, постоянно внушали мне, что я самая милая и необыкновенная. Думаю, то искусственно «вращенное» в младые годы честолю-

бие и помогло потом мне, провинциальной актрисе, и выжить в Москве, и чего-то добиться в жизни...

— И к тому же стать женщиной, уверенной в том, что она привлекательна?

— Да каждая из нас уверена, что она самая красивая. Ведь как мы оцениваем других? «Она, конечно, ничего: и взгляд горит, и кожа хорошая, а вот шея... шея так себе, у меня-то получше будет...» И это правильно. Женщина должна чувствовать себя королевой.

— А что делать, если рядом нет короля?

— Надеяться. Я в свой «свободный» период (двенадцать лет между первым и вторым замужеством) каждый день просыпалась с мыслью, что вот сегодня встречу Его. Разумеется, мне страшно повезло с профессией, и большую часть той дурной крови, которая в каждом из нас бродит, я употребила на переработку в чистые эмоции на сцене. К тому же сын не позволял мне чувствовать себя несчастливой. Но в любом случае... Ужасно не то, что женщина остается вдруг одна, а то, когда она начинает изводить себя мыслью об одиночестве и ненужности. Даже тлеющий огонечек, который может привлечь другого, тогда гаснет. Меня-то преследовала иная крайность. Одна знакомая мне сказала: «У тебя настолько сильное биополе,

что оно притягивает людей ущербных. Они не вампиры, просто произвольно хотят подпитаться твоей энергией». Когда речь шла о женщинах, я воспринимала это естественно, как делание добра, а общение с несостоявшимися мужчинами меня тяготило. Хотя одновременно я могла терять всякое самообладание и даже гордость перед мужской личностью.

— То есть нельзя сказать, что вам близки «по духу» героини, подчиняющие и даже уничтожающие сильный пол — такие, к примеру, как Клея в «Эзоле»?

— Желания унижить мужчину, сделать его своим рабом, у меня не было никогда. Я не терплю подкаблучников и аморбозных тюфяков. Более того, с годами как-то все больше хочется подчиняться, ощущать себя слабой и беззащитной.

— Королева может быть слабой?

— Обязательно, а иначе она... вол, бык, кто угодно — но только не женщина. Я, кстати, более всего сознаю себя красивой и привлекательной именно в ситуациях полной беспомощности. Например, за границей. Ничего не знаешь, с языком трудности и — становишься чуть растерянной, мягкой, обаятельной, «вынуждающей» мужчин к вниманию и заботе. (Я просто с упоением жду своей первой поездки в Париж, которую мне ко дню рождения дарит фирма «Интерситисервис»). И наоборот: сознание собственной силы — сама-а! — превращает тебя в идущую напролом человеко-единицу. Но ведь не зря говорят: чем больше везешь, тем больше нагружают. Я проклиная эмансипацию и наше ханжеское воспитание, а некоторые периоды своей жизни просто ненавижу. Помню, по молодости, где-нибудь в ресторане я с шиком могла заплатить за весь столик (благо меня всегда держали за хорошую артистку и я достаточно зарабатывала). При этом я даже не задумывалась о том, что оскорбляю мужчин. А как мы, отечественные женщины, ведем себя в быту? Сумку выбираем потяжелее — дверь норвими пихнуть своим плечом, такси ловить — туда же, сами.

— Это уже несправимо?

— Смотря в ком. На юных девушек я смотрю с завистью: они совсем другие. Тем, кто постарше — еще не поздно поработать над собой, а нам, сорокалетним... ох, не знаю... Вчера вот, перед ужином, банку консервную схватила — ба-бах, со всего размаха. Сережа, муж мой, аж застонал: «Люба, ну что ты делаешь, я ведь рядом».

— И давно рядом с вами человек, который не позволяет вам вскрывать консервные банки?

— Одиннадцать лет... Как один день... Он у меня герой. Во-первых, потому, что в свои тридцать, имея диплом биолога и хорошую работу, назвал врагам и вопреки логике бросил все и поступил в Строгановку, так как на самом деле мечтал быть художником. И теперь он художник. Во-вторых, потому, что с удовольствием помогает «вести домашнее хозяйство» (так, кажется, это называется?) и растить двоих детей (Леше сейчас 22, Маше — 9). И еще он герой оттого, что стоически выносит мой характер: я же безобразно вспыльчива. Если бы не его терпение и чувство юмора, мы давно бы разошлись. К тому же он великолепный рассказчик и очень нескучный человек. Это ведь просто ужас — сколько вокруг скучных мужчин! Такое впечатление иногда, будто смотришь бездарную, серую пьесу.

— Так, может, нам всем надо учиться играть?

— Игра должна быть непременно: желательна, конечно, без переигрывания. Кстати, к женщине это относится в еще большей мере. Я раньше гордилась тем, что органична, естественна, причем меня в этом убедили мои же поклонники. Но сейчас, оглядываясь назад, понимаю: иной раз надо было «вспомнить» актерское мастерство и вне сцены, не пускать отношения с мужчиной на самоотек, не спешить переходить на «ты». Умению найти золотую середину между силой и слабостью, скрывать свои недостатки, постоянно завоевывать — нужно учиться. Я в свое время этого не сделала. А теперь, пожалуй, уже ни к чему: меня любят такой, какая я есть.

Татьяна ХАРЛОВА.

Фотограф Валерий ПЛОТНИКОВ.

Татьяна Харлова

942